

Дарья Глебова

Статус
ПРЕДАТЕЛЬ.
Исцели мою душу.

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Дарья Глебова

**Статус: предатель.
Исцели мою душу**

«Автор»

2026

Глебова Д.

Статус: предатель. Исцели мою душу / Д. Глебова — «Автор»,
2026

— Ваш муж... Денис... он уже несколько месяцев ходил сюда с другой женщиной, — запинаясь, говорила мне официантка. — Всегда один и тот же столик у окна, в дальнем углу. Я... я обслуживала их много раз.— Несколько месяцев? - переспросила я. В душе, что-то оборвалось.— Да. Может, три... четыре. Простите, я не считала. - Татьяна наконец подняла глаза, и я увидела в них искреннее сочувствие. Четыре месяца. Значит, когда я лежала с угрозами выкидыша в больнице, когда рыдала над кровотечениями, а он заботился обо мне, будто я хрустальная ваза. Значит тогда он нашел утешение в другой_____. В годовщину свадьбы я узнала о предательстве любимого мужа. И это обернулось целой трагедией, потому что теперь я боролась за свою жизнь и жизнь нашего нерожденного малыша. Врачи дали неутешительный прогноз и этого я точно не собиралась прощать

© Глебова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	23
Г	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дарья Глебова

Статус: предатель. Исцели мою душу

Глава 1

Огоньки свечей играли золотыми бликами в хрустальных бокалах, расставленных на сервированных столах, превращая обычный вечер в волшебную сказку. Я не могла оторвать взгляд от своего мужа, в этот момент он казался мне самым идеальным мужчиной на свете. Ровно шесть лет назад я сказала ему “да”, и каждый день с тех пор был подтверждением, что я приняла самое лучшее решение в своей жизни.

Тогда, шесть лет назад здесь был совсем другой ресторан. Именно в нем Денис сделал мне предложение, стоя на одном колене посреди зала, пока скрипач играл «нашу» мелодию. Тогда я рыдала так сильно, что не могла выговорить «да», только кивала и все пыталась удержать слезы салфеткой слезы, чтобы те не размазали так старательно сделанный макияж. Сейчас мы сидели у того же окна, откуда открывался вид на вечерний город, и я чувствовала, как меня переполняет то же самое головокружительное счастье, что и шесть лет назад.

– За нас, солнышко, - Денис поднял бокал с шампанским, а передо мной стоял изящный стакан с фруктовым лимонадом, украшенным маленьким фиолетовым цветочком. Я инстинктивно положила руку на едва заметный округлившийся животик.

Уже 5 месяцев, как мы узнали, что наконец-то ждем ребеночка. Несколько лет мы ждали, ходили по врачам, сдавали множество анализов, но слышали лишь: “Вы в полном порядке, не теряйте надежду.” Сколько слез было пролито, но надежду мы все же не потеряли! Каждый раз вспоминая о нашей маленькой, большой победе меня переполняла радость. И я улыбнулась так широко, что почувствовала, как щёки начали болеть от счастья.

– За нас, - эхом отозвалась я, и наши бокалы соприкоснулись с тихим хрустальным звоном, похожим на колокольчики. - За нашу семью.

Он смотрела на меня как замороженный, будто я единственная женщина во всей Вселенной. Словно кроме меня для него не существует ничего и никого. И я знала, что это не игра и не притворство. Денис всегда был честен в своих чувствах, порой даже слишком прямолинеен. И это было одним из тех качеств, за которые я его так любила.

– Помнишь, как ты пролила на меня кофе в самолете? - рассмеялся Денис, протягивая руку через стол. Я тут же вложила свою ладонь в его, и наши пальцы переплелись с привычной легкостью, словно мы две части одного целого.

– Я не пролила! - возмутилась я с игривой обидой, которую совершенно не смогла удержать в голосе. - Ты сам пытался мне помочь, подавая мне поднос с едой, и стакан...

– И стакан полетел прямо мне на джинсы, - закончил он, поднося мою руку к губам. Поцелуй был лёгким, невесомым, едва ощутимым, но от него по моему телу разлилось тепло, начиная от кончиков пальцев, растекаясь по всему телу сладкой истомой. - Лучшее кофейное пятно в моей жизни. Если бы не оно, я бы не набрался смелости пригласить тебя помочь с чисткой, а потом на свидание.

Я засмеялась, чувствуя, как слёзы счастья предательски наворачиваются на глаза. Гормоны пышущие от беременности делали меня невероятно чувствительной. Я могла расплакаться от умильной рекламы или от вида спящего котёнка. Но дело было не только в этом. Дело было в том, что я просто безумно, до готовности отдать за него жизнь, любила этого человека.

Любила то, как он по утрам всегда просыпался на пять минут раньше, чтобы выключить будильник до того, как он меня разбудит. Любила, как он оставлял мне записки на холодильнике с дурацкими рисунками и признаниями. Любила его привычку напевать под душем, его неумение готовить что-либо сложнее яичницы, его панический страх пауков, из-за которого именно я становилась «храбрым спасителем» в нашем доме. Любила каждую его привычку, каждую особенность, каждую маленькую деталь, которая делала его Денисом. Моим любимым Денисом.

Официантка, симпатичная девушка лет тридцати, с длинными каштановыми волосами, собранными в аккуратный хвост, и табличкой «Татьяна» на чёрной жилетке, принесла наш заказ. Я мельком отметила, что девушка очень красива, точёные черты лица, большие серые глаза обрамляли пышные ресницы, изящные тонкие руки. Я также заметила, как она чуть дольше обычного задержала взгляд на Денисе, расставляя тарелки и как её пальцы слегка дрогнули, когда она ставила перед ним блюдо. Но я тут же отмахнулась от этой мысли. Ревность? Глупость какая! Денис даже не взглянул на официантку, его глаза были устремлены только на меня, и в них читалось такое обожание, что все мимолетные сомнения сразу улетучились. У нас с Денисом было всё идеально. Мы доверяли друг другу безоговорочно, безусловно.

– Твоя карбонара, – Денис придвинул ко мне тарелку с ароматной пастой, посыпанной тёртым пармезаном и украшенной веточкой базилика. – Твоя любимая. Хотя доктор Сомова говорила, что с сырами нужно быть осторожнее...

– Один раз можно, – я закатила глаза и тут же потянулась к вилке. – Это же наш праздник! К тому же, это пармезан, я читала, что он из пастеризованного молока.

– Какая ты у меня ответственная, — Денис улыбнулся с нежностью. — Уже заботишься о нашем малыше. Я уверен, ты будешь потрясающей мамой! — Знаешь, о чём я думаю? – Денис вдруг стал серьёзным. Он мои руки в свои. Его большие пальцы поглаживали мои костяшки, и этот простой жест был полон такой интимности, что у меня перехватило дыхание. – О том, каким папой я буду. Страшно представить, если честно. Маленький человечек, который будет полностью зависеть от нас. Который будет доверять нам безоговорочно. Я так боюсь его разочаровать, Аня.

– Ты будешь потрясающим папой, – внутри меня переполняла любовь. До беременности и представить не могла, что любовь может приумножиться. И к мужу, и к малышу. – Потому что ты лучший муж на свете. А еще потому что у тебя огромное сердце и ты умеешь любить по-настоящему.

Мне было очень приятно представлять Дениса с нашим ребёнком на руках. Хотя порой я начинаю немного переживать, а справимся ли мы? Будем ли мы хорошими родителями? В социальных сетях все пугают сложностями в первый год жизни ребенка. Но все же мне кажется, что все будет хорошо. Ведь мы так долго его ждали.

Мы ели, переплетая ноги под столом, ещё одна наша милая привычка, и я ловила себя на том, что просто пялюсь на мужа, забывая о еде. Вот он накручивает спагетти на вилку, немного неуклюже, потому что всегда переоценивает количество пасты. Вот морщит нос, когда чёрный перец попадает не в то горло, и кашляет, прикрывая рот салфеткой. А вот смеётся над собственной неловкостью, и его смех, низкий, грудной звук, заставляет что-то трепетать в моей груди.

– Анюта, – он поднёс мои руки к губам и стал целовать каждый палец по отдельности, медленно, нежно, словно это был священный ритуал. – Я так тебя люблю. Так сильно, что иногда не верится, что это реальность. Что ты выбрала меня среди всех мужчин на свете.

– Я тоже тебя люблю, - прошептала я, и слеза всё-таки скатилась по щеке, оставляя влажный след. - Больше жизни. Больше всего на свете.

Мы поцеловались, и весь ресторан, приглушённый джаз из динамиков, негромкий гул других посетителей, звон посуды, перестал для меня существовать. Был только Денис, его губы на моих губах, его рука, нежно прикоснувшаяся к моей щеке, его запах, смесь его одеколона и чего-то своего, неповторимого.

Лишь мельком я заметила, как напряжённо сжались губы официантки Татьяны, стоявшей у барной стойки с подносом в руках. Но я явственно почувствовала на себе тяжёлый взгляд, который становился всё более напряжённым, почти болезненным.

– Мне нужно отойти, - я виновато улыбнулась. - Малыш уже давит на мочевой пузырь. Беременность это так прекрасно, правда?

– Твоя беременность прекрасна, - серьёзно сказал Денис и снова поцеловал мою руку. - Иди, солнышко. Я закажу десерт. Тирамису? Или чизкейк? Или оба?

– Оба! - хулиганисто подмигнула я мужу.

Я поднялась из-за стола, чувствуя себя абсолютно, невероятно, опьяняюще счастливой.

Я шла к уборной, ловя на себе теплые взгляды других посетителей. Мое нежно-розовое платье, купленное специально для этого вечера, красиво облегало округлившийся животик. Беременные женщины всегда вызвали умиление, и сегодня я купалась в этом внимании, в этом всеобщем одобрении моего счастья.

Но мои мысли были заняты лишь странным поведением официантки. Почему она так смотрит на нас, почему так странно ведет себя перед моим мужем?

И вдруг на лестнице, ведущей в уборную, мой путь преградила фигура. Татьяна стояла так, словно специально дежурила здесь, ожидая меня. Официантка показалась мне слишком бледной, будто от волнения вся кровь отлила от ее лица. Руки её, сжатые в кулаки по бокам, слегка подрагивали, а в серых глазах плескалось что-то тревожное, но решительное. Что-то, от чего по моей спине пробежал холодок.

– Мне нужно с вами поговорить, - голос Татьяны дрогнул, словно каждое слово давалось ей с трудом. Она оглянулась по сторонам, видимо опасаясь, что нас могут услышать, - наедине.

Улыбка медленно сползла с моего лица, как тающий воск. Сердце вдруг застучало быстрее, сначала просто учащённо, а потом так, что я почувствовала пульс в висках. Что-то в интонации этой девушки, в её взгляде и в том, как напряженно она стояла, будто готовясь к прыжку, заставило все мои инстинкты встревожиться.

Беременные женщины особенно чувствительны к опасности. Это древний инстинкт, заложенный природой для защиты ребенка. И сейчас каждая клетка моего тела кричала, что что-то не так. Что-то очень не так.

– О чём? - только и смогла выдавить я, чувствуя, как холодеют пальцы рук. Моя ладонь инстинктивно легла на живот, словно защищая дитя. - Что случилось?

Татьяна снова оглянулась через плечо. Её губы дрожали, и я вдруг заметила, что глаза официантки блестят, но не от слёз, а от какой-то внутренней борьбы. Словно она решала, стоит ли говорить то, что собирается сказать. А потом Татьяна сжала кулаки ещё сильнее, её челюсть напряглась, и она произнесла те слова, которые навсегда разделили мою жизнь на «до» и «после»:

– Это касается вашего мужа.

Глава 2

Я медленно кивнула, чувствуя, как холод разливается по моим венам. Татьяна, судя по бейджику, нервно переминалась с ноги на ногу и взявшись за поручень, чтобы почувствовать какую-то опору наконец сказала:

– Я... я не знаю, как это сказать, - ее голос надломился. - Господи, за последние пару часов, что вы здесь я столько раз репетировала, но теперь... Простите, пожалуйста.

– Говорите, - твердо сказала я, хотя каждая клеточка моего тела кричала: «Нет! Не надо! Не хочу знать!» Но было уже поздно отступать. Какая-то темная, мазохистская часть моей души требовала услышать правду.

Татьяна стояла опустив глаза, и вдруг она сглотнула и будто на мгновение задержав дыхание выпалила:

– Ваш муж... Денис... он уже несколько месяцев ходил сюда с другой женщиной. Всегда один и тот же столик у окна, в дальнем углу. Я... я обслуживала их много раз.

Мир пошатнулся. Я схватилась за перила, чувствуя, как ноги подкашиваются. В ушах зазвенело, а перед глазами поплыли черные мушки. «Несколько месяцев». Эти слова эхом отдавались в моей голове, разбиваясь на острые осколки, каждый из которых впивался в сердце.

– Несколько месяцев? - переспросила я. В душе, что-то оборвалось.

– Да. Может, три... четыре. Простите, я не считала. - Татьяна наконец подняла глаза, и я увидела в них искреннее сочувствие.

Четыре месяца. Значит, когда я лежала с угрозами выкидыша в больнице, когда рыдала над кровотечениями, а он заботился обо мне, будто я хрустальная ваза... Значит тогда он нашел утешение в другой... Ну да, мне ведь был показан половой покой. Но это никак не могло быть правдой, она врет! Но для чего?

– Нет, - выдохнула я. - Вы ошибаетесь. Это не... не он.

– Я знаю, как это звучит, - в глазах Татьяны блеснули слезы. - Мне так жаль. Поверьте, я бы никогда не подошла к вам, если бы не была уверена. Я думала... Боже, я думала, что они вместе! Они так смотрели друг на друга, так смеялись... Я решила, что это просто влюбленная пара.

Я почувствовала, как в живот окаменел. Моя рука инстинктивно легла на живот, туда, где под сердцем билась крошечная жизнь. Малыш... нет, только не сейчас...

– Вам плохо? - Татьяна взволнованно взяла меня за руку. - Присядьте, пожалуйста!

– Я... я в порядке, - сбивчиво прошептала я, хотя это была ложь. Я была очень далека от «порядка». Весь мир, такой идеальный и прекрасный, рассыпался. - Продолжайте. Мне нужно... нужно знать все.

Татьяна нервно закусила нижнюю губу:

– На днях я случайно услышала их разговор. Они сидели за тем же столиком, и он говорил ей что-то о... о жене. О годовщине свадьбы и... - ее голос сорвался. - И что это не повлияет на их встречи.

Каждое слово падало на меня, как удар кнута. «Не повлияет на их встречи». Шесть лет брака, шесть лет абсолютного доверия, смеха, совместных планов, и все это оказалось ложью? Или правда в какой-то момент умерла, а я слепо не этого замечала?

– Зачем? - Вырвалось у меня. - Почему вы мне это говорите?

Татьяна опустила глаза, и слеза скатилась по ее щеке:

– Потому что... у меня самой когда-то был человек, который изменял. Я узнала об этом слишком поздно, от случайной знакомой на улице. Я была на пятом месяце беременности. —

Ее голос задрожал. - Я потеряла ребенка той ночью. От стресса, от боли... Врачи говорили, что это не связано, но я то знаю. Я знаю, что это случилось из-за того, что я узнала правду в самый неподходящий момент.

Я замерла. Моя рука все еще лежащая на животе непроизвольно сильнее закрыла его.

- Я... я ведь тоже беременна, - прошептала я, и Татьяна всхлипнула.

- Я видела. Поэтому я и подошла. - Она вытерла глаза тыльной стороной ладони. - Вы имеете право знать сейчас, когда еще можете что-то решить, что-то изменить. Когда можете защитить себя и своего ребенка. Простите меня, если я ошиблась. Но я не смогла молчать. Не после того, что пережила сама.

Я смотрела на нее сквозь пелену слез, которые жгли глаза, но упрямо не желали падать. Внутри все горело от гнева, боли, от предательства. Хотелось кричать, хотелось разбить что-нибудь, хотелось провалиться сквозь землю и исчезнуть. Но больше всего, больше всего хотелось, чтобы это оказалось просто кошмарным сном. Ну или на худой конец галлюцинацией.

Живот никак не отпускало, он казался каменной глыбой, и я закусила губу до крови. Нужно успокоиться и дышать. Вдох на четыре счета, задержать дыхание на четыре счета, выдох на четыре счета, снова задержать дыхание на четыре счета. Как учил врач. Ради малыша. Я закрыла глаза и медленно вдохнула воздух, заставляя бешено колотящееся сердце замедлиться.

- Как... как она выглядит? - спросила я, когда смогла снова говорить.

- Высокая, темные волосы, всегда элегантно одета. Она... она достаточно привлекательна, - Татьяна что-то терла пальцем на поручне, не в силах смотреть мне в глаза. — Но это не важно. Важно, что...

- Что он встречается с ней, а не проводит время со мной - закончила я. Слова прозвучали удивительно ровно, хотя внутри все кричало от боли.

Татьяна кивнула, и мы замолчали. Где-то за стеной раздавался смех посетителей, звон бокалов, приглушенная музыка, жизнь продолжалась, равнодушная к тому, что в этом крошечном коридоре мой мир рассыпался в прах.

- Спасибо, - наконец выдавила я. - За то, что рассказали. За... за смелость.

- Что вы теперь будете делать? - тихо спросила Татьяна.

Я выпрямилась, вытирая ладонями лицо. Да, я плакала. Слезы все-таки прорвались, оставляя горячие дорожки на моих щеках, но нужно было взять себя в руки. Сейчас нужно было вернуться к столику, улыбнуться мужу, предателю, и сделать вид, что все в порядке. По крайней мере, пока я не решу, что делать дальше.

- Я... я не знаю, - призналась я. - Но сначала мне нужно вернуться. Он ждет.

На автомате сходя в уборную, я медленно возвращалась обратно в зал, чувствуя, как каждый шаг дается с огромным трудом. Ноги были ватными, в висках стучало, а сердце билось так громко, что казалось, его слышно всем в этом ресторане, а может и за его пределами.

Денис сидел за столиком, небрежно откинувшись на спинку стула, и что-то печатал в телефоне. Увидев меня, он поднял голову и улыбнулся той самой улыбкой, от которой буквально 15 минут назад у меня подкашивались ноги, но теперь эта улыбка казалась фальшивой, наигранной маской.

- А я уже волноваться начал, - он встал из-за стола помогая мне отодвинуть стул. - Ты так долго.

- Извини, - автоматически ответила я, садясь. - Очередь была.

Я опустила взгляд на стол и новая волна горячей боли обожгла мою грудь. Телефон Дениса лежал экраном вверх, и на нем светилось уведомление:

“Уже скучаю, сладкий.”

Я застыла, не в силах оторвать взгляд от этих слов. Время остановилось, сердце пропустило удар. А Денис, ни о чем не подозревая, продолжал мне улыбаться

Глава 3

Казалось, этой ночи не будет конца. Я лежала рядом с Денисом, слушала его ровное дыхание и чувствовала, как внутри меня сомнения разрывают душу на части. Он спал спокойно, безмятежно, изредка поворачиваясь на бок и обнимая меня во сне. Его рука ложилась на мой округлившийся живот, такой чуткий жест, но от этого становилось только больнее.

Я не сомкнула глаз ни на минуту. Каждый раз, закрывая веки, я видела лицо Татьяны, слышала её дрожащий голос: "Несколько месяцев... один и тот же столик... высокая брюнетка..." А потом перед глазами всплывало то сообщение на его телефоне: "Уже скучаю, сладкий."

Сладкий. Так она его назвала. Та женщина, с которой он встречался месяцами, пока я лежала в больнице, переживала за жизнь нашего малыша. Пока я плакала над сомнительными узи, плохими анализами. Пока верила, что он моя опора.

Наконец я осторожно высвободилась из его объятий и встала с кровати. Ноги сами понесли меня к окну. Город за стеклом спал, редкие огни фонарей пробивались сквозь предрассветную мглу. Я обхватила себя руками, чувствуя, как тело дрожит, не от холода, а от той бури эмоций, что бушевала внутри.

Может, Татьяна ошиблась? Может, она приняла Дениса за кого-то другого? В конце концов, сколько мужчин похожи друг на друга, темные волосы, средний рост, не примечательная одежда. Да, она видела его несколько раз, но люди ведь могут ошибаться. Люди видят то, что хотят видеть.

Но что насчет сообщения?

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить имя отправителя. Но в тот момент я была так потрясена словами Татьяны и самим текстом сообщения, что даже не обратила внимания на детали. Просто белый экран и эти проклятые слова: "Уже скучаю, сладкий."

Может, я не дочитала? Может, там было что-то вроде: "Уже скучаю, сладкий мой, жду вас с Анечкой завтра в гости. Мама."? Ну а что? У Дениса с мамой очень близкие и теплые взаимоотношения. Не могу сказать того же о своих отношениях с Ириной Васильевной, но и плохими их назвать нельзя. Она поднимала сына одна и можно понять ее трепет к ребенку, которому хочется дать все самое лучшее.

Ну нет, даже учитывая их привязанность друг к другу, такое сообщение казалось абсурдным. Ни одна мать не напишет сыну "сладкий" в таком контексте.

Слезы наворачивались на глаза, но я упрямо их сдерживала. Нельзя поддаваться панике и раскисать почем зря. Нужно думать рационально, взвешенно. Мне нужно всеми силами сохранять спокойствие, ради малыша. Но как думать рационально, когда весь твой мир пошатнулся? Когда человек, которому ты доверяла больше, чем себе, возможно, предал тебя самым подлым образом?

Я стала вспоминать последние месяцы. Искала признаки, намеки, что-то, что могло бы подтвердить или опровергнуть слова Татьяны. Денис стал задерживаться на работе? Нет, он всегда приходил вовремя. Стал холоднее? Нет, наоборот, после того, как мы узнали о беременности, он стал еще более внимательным и заботливым. Прятал ли он телефон? Тоже нет, он всегда оставлял его где попало, на кухне, в ванной, на диване. Но, по правде сказать, я и не проверяла его. Зачем? Мне всегда казалось это каким-то унижительным занятием. Тогда как он умудрился встречаться с женщиной? Да еще и достаточно часто, раз Татьяна так уверенно говорила о нем.

Я вернулась в постель, когда за окном начало светать. Легла на самый край, подальше от Дениса, свернувшись калачиком вокруг своего живота, будто укрывая его от всех невзгод. Малыш внутри меня шевельнулся, легкий толчок, почти неощутимый, и я погладила живот, пытаюсь успокоиться.

– Всё будет хорошо, – прошептала я в темноту. – Мама всё выяснит. Мама не даст тебя в обиду.

После целой ночи тяжелых дум, казалось, что я закрыла глаза лишь на мгновение, но открыв глаза я поняла, что проспала пару часов. Часы на прикроватной тумбочке показывали без четверти 9. Денис проснулся бодрым, как всегда, поцеловал меня в макушку и отправился в душ, напевая что-то под нос. Эта обыденность, эта привычная рутина казалась мне издевательством. Как он может быть таким беззаботным? Как может улыбаться и петь, если что-то от меня скрывает? Или не скрывает? Может, всё это просто чудовищное недоразумение? Господи, почему все так сложно?

Я встала и, на автомате добравшись до кухни, приготовила завтрак – яичницу для него, кашу с фруктами для себя. Руки дрожали так сильно, что я чуть не разбила яйцо мимо сковороды. Волнения прошлой ночи мешали мне спокойно мыслить. Села за стол напротив и смотрела, как он ест, листая ленту новостей в телефоне. В тот самый телефон.

– Вкусно, как всегда, – улыбнулся он, поднимая на меня глаза. – Солнышко, ты неважно выглядишь. Плохо спала ночью?

– Да, – выдавила я. – Малыш пинался.

– Может, к врачу сходить? – в его голосе прозвучала искренняя тревога. – Вдруг что-то не так?

Не так. Да, определенно что-то было не так. Только не с малышом.

Я смотрела на его лицо, такое знакомое, такое родное, и чувствовала, как внутри нарастает ком из страха, боли, гнева и отчаяния. Он становился всё больше, всё тяжелее, давил на грудь, перекрывал дыхание.

Я не могла больше молчать. Не могла притворяться, что всё в порядке, не могла сидеть напротив него и делать вид, что ночь прошла спокойно. Будто я не прокручивала в голове каждое слово Татьяны. Будто не видела то проклятое сообщение.

– Денис, – мой голос прозвучал глухо, словно я долго молчала. – Мне нужно тебя кое о чём спросить.

Он отложил вилку и внимательно посмотрел на меня:

– Конечно, солнышко. Что-то случилось?

Я сжала руки в кулаки под столом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Губы дрожали, и я прикусила нижнюю, пытаюсь взять себя в руки.

– У тебя... – я запнулась, пытаюсь сглотнуть ком в горле. – У тебя кто-то есть?

Тишина. Денис замер с открытым ртом, словно не понимая услышанного. Его брови удивленно взлетели вверх, глаза расширились. Секунду, две, три он просто смотрел на меня, не моргая, а потом медленно покачал головой:

– Что? Аня, о чём ты говоришь?

– Я спрашиваю, – мой голос становился всё громче, всё истеричнее, переходил на крик, – есть ли у тебя любовница? Встречаешься ли ты с другой женщиной? Изменяешь ли ты мне?!

– Нет! – он вскочил из-за стола, опрокинув стул. – Господи, Аня, конечно, нет! С чего ты вообще взяла?!

Слезы наконец прорвались. Горячие, жгучие, они потекли по моим щекам, и я даже не пыталась их остановить:

– Вчера... вчера в ресторане ко мне подошла официантка. Татьяна. Она сказала... - голос сорвался, и я зажала рот ладонью, пытаюсь сдержать рыдания.

– Что она сказала? - Денис обогнул стол и опустился передо мной на колени, хватая меня за руки. - Аня, пожалуйста, скажи мне!

– Она сказала, что ты несколько месяцев приходил туда с другой женщиной! - я вырвала руки и отстранилась. - Что вы сидели за одним столиком, смеялись, смотрели друг на друга, как влюбленные!

– Это бред! - Денис побледнел. - Я никогда... Аня, я ни разу не был в том ресторане без тебя!

– А сообщение?! - я вскочила, и стул подо мной с грохотом упал. - Вчера на твоём телефоне! "Уже скучаю, сладкий"! Кто это был, Денис?! Кто пишет тебе такое?!

Он замер, словно его ударили. Лицо посерело, губы приоткрылись, но не издали ни звука. И в этом молчании, в этой паузе я прочитала признание. Он знал. Конечно же он помнил то сообщение.

– Ты...какой же ты бессовестный, - прошептала я, и голос зазвенел от ярости. - Две женщины одновременно?! Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?! Ты подвергаешь риску меня! Нашего ребёнка! Что, если ты что-то подхватишь?! Что, если ты принёс мне что-то от своей... от своей...

Я не смогла договорить. Рыдания вырвались наружу, громкие, надрывные, полные боли и отчаяния. Живот напрягся и, придерживая его снизу, я аккуратно пыталась поднять стул, чтобы присесть.

– Аня! - Денис метнулся ко мне чтобы помочь, но я отшатнулась.

– Не трогай меня! - сквозь зубы прорычала я. - Не смей ко мне прикасаться!

– Аня, пожалуйста, послушай...

– Нет! - я смотрела на него сквозь слёзы, а в груди горел огонь. - Ты обещал! Ты обещал любить меня! Только меня! А сам... а сам...

– Я люблю только тебя! - его голос звучал отчаянно. - Я не изменял! Клянусь всем, что у меня есть, я не изменял!

– Тогда объясни! - я ткнула пальцем в сторону его телефона, валявшегося на столе. - Объясни это сообщение! Объясни, почему официантка узнала тебя! Почему она описала в деталях, как ты встречаешься с другой!

Денис провёл рукой по лицу, и я увидела, как у него дрожат пальцы. Он выглядел растерянным, испуганным, загнанным в угол. Но было ли это виной или просто страхом быть пойманным?

– Если ты мне не веришь, - он медленно поднял голову, и в его глазах я увидела решимость, - я прямо сейчас поеду и сдам все анализы. Абсолютно все. И ты поймёшь, что я тебе не лгу.

Я застыла, глядя на него. Его слова повисли в воздухе между нами, такие тяжёлые, значимые. Он не стал отрицать и не стал оправдываться. Он предложил доказательство. Но что, если этого будет недостаточно? Что, если анализы окажутся чистыми, но он всё равно лжёт? Существуют же презервативы.

А что, если он говорит правду? Что, если это действительно чудовищное недоразумение, и я разрушаю нашу семью на пустом месте?

Я смотрела на своего мужа, отца моего ребёнка, на человека, которому отдала больше шести лет жизни, и не знала, верить ему или нет.

Глава 4

Два дня. Всего сорок восемь часов, но мне показалось, что прошло не меньше недели..

Денис уехал в клинику сразу же после нашего разговора. Даже не доел завтрак, просто схватил куртку и ключи, на ходу обещая, что сделает все анализы, а я пойму, что была не права в своих обвинениях. Я осталась одна на кухне, среди недоеденной яичницы и остывшей каши, и не знала, что чувствую. Злость? Страх? Надежду? Всё смешалось в один тяжёлый ком, который застрял где-то между горлом и сердцем.

Первый день я провела в полном оцепенении. Ходила по квартире, как призрак, не в силах ни на чём сосредоточиться. Пыталась читать, но буквы расплывались перед глазами. Включила телевизор, но я не слышала ни слова. Просто сидела на диване, обхватив живот руками, и смотрела в одну точку.

Малыш внутри меня шевелился, толкался, будто чувствовал моё состояние и пытался утешить. Каждый его толчок отзывался острой болью в груди. Что я делаю? Какое право имею подвергать его такому стрессу? Врачи предупреждали, ни в коем случае никаких волнений, никаких переживаний. А я... я устроила скандал, кричала, плакала, довела себя до истерики.

– Прости, малыш, - еле слышным шепотом говорила я, поглаживая округлившийся живот. - Прости маму. Всё будет хорошо, обещаю.

Денис вернулся только вечером. Я услышала, как щёлкнул замок, как он прошёл в прихожую, осторожно, словно боялся потревожить. Я сидела в гостиной, в темноте, и не включала свет. Не хотела, чтобы он видел моё заплаканное лицо, красные глаза.

– Аня? - его голос прозвучал неуверенно. - Ты чего здесь?

Я не ответила. Просто сидела, вжавшись в угол дивана, и слушала его шаги. Он нашёл меня по силуэту в темноте, присел рядом, но не слишком близко. Между нами легло расстояние, не больше полуметра, но казалось, что целая пропасть.

– Я сдал все анализы, - сказал он тихо. - Абсолютно все, какие только можно. Результаты будут готовы через два дня максимум. потом заезжал к маме, ей нужна была помощь с новой мебелью.

Я кивнула, всё ещё не глядя на него.

– Аня, пожалуйста, посмотри на меня, - взмолился он, и в его голосе прорезалось отчаяние. - Я не виноват. Клянусь тебе, я ничего не делал. Никогда. Я не знаю, что там увидела эта официантка, но это был не я. Или она перепутала. Или... я не знаю. Но это точно был не я!

Я наконец подняла глаза. В полумраке я видела, как он смотрит на меня, умоляюще, испуганно и с такой болью, что сердце сжалось. Но боль в его глазах не развеяла моих сомнений. Изменники тоже умеют притворяться. Они тоже могут плакать и клясться. Да и к чему так переживать если ты ни в чем не виноват. За что извиняться?

– За что ты извиняешься если ты не виноват? Может за то сообщение? - спросила я хрипло. - Ну то самое. "Уже скучаю, сладкий." От кого оно?

Он замялся всего на секунду, но я это заметила. И эта заминка пробила во мне новую рану.

– Покажи мне, - потребовала я, протягивая руку. - Покажи телефон. Сейчас же.

Денис молча достал телефон из кармана и разблокировал экран. Протянул мне, не глядя в глаза. Руки мои дрожали так сильно, что я едва удерживала устройство. Тревога разлилась по моему телу и стало казаться, что меня сейчас стошнит. Открыла сообщения, пролистала

в поисках того самого. Я искала доказательство его вины или невиновности. Но сообщения не было.

– Где оно? - голос сорвался на крик. - Где то сообщение?! Ты что, его удалил?!

– Нет! - Денис вскочил с дивана. - Я ничего не удалял! Клянусь тебе! Может, ты неправильно поняла? Может, тебе показалось?

Ах, Показалось. Он думает, мне показалось. Думает, у меня до того поехала крыша, что мне мерещатся сообщения от любовниц.

– Вон, - прошипела я, указывая на дверь. - Уходи. Не хочу тебя видеть.

– Аня...

– Уходи! - заорала я что есть мочи, и голос эхом отразился от стен. - Оставь меня в покое!

Он застыл на месте, глядя на меня так, словно я вонзила нож ему в сердце, но он ничего не сказал лишь сжал руки в кулаки до побелевших костяшек, и развернувшись вышел из комнаты. Я услышала, как хлопнула дверь кабинета, и поняла, что он ушёл спать в другую комнату.

Впервые за шесть лет мы легли спать порознь.

Второй день был ещё хуже первого.

Я проснулась от тошноты и едва успела добежать до ванной. Меня вырвало так, что потемнело в глазах. Чуть отдышавшись, я прислонилась спиной к холодной стене и сидела так не в силах пошевелиться. Живот ныл тупой болью, голова кружилась. Стресс. Это всё из-за стресса.

Денис, должно быть, услышал шум, потому что через минуту распахнулась дверь, и он влетел в ванную, бледный, перепуганный.

– Господи, Аня! - он упал рядом со мной на колени. - Что с тобой? Тебе плохо? Сейчас я вызову скорую!

– Не надо, - хрипло выдохнула я, отстраняя его руку. - Всё нормально. Просто тошнит.

– Это не нормально! - его голос дрожал. - Тебя в первом триместре так не выворачивало как сейчас. Ты бледная, как мел! Нужно к врачу!

– Сказала же не надо, - я с трудом поднялась на ноги, держась за раковину. - Отстань от меня.

Он смотрел на меня так, словно я била его. Снова и снова. Каждым словом, каждым жестом. Но я не могла его подпустить, пока не узнаю правду.

Остаток дня мы провели в молчании. Он ходил за мной по пятам, словно тень, пытаясь помочь, предложить чай, укрыть пледом, подать книгу.. Я отказывалась от всего. Не хотела ни его заботы, ни его касаний. Каждый раз, когда он пытался обнять меня, я отстранялась, и видела, как в его глазах гаснет надежда.

К вечеру я не выдержала и закрылась в спальне. Легла на кровать, свернувшись калачиком, и просто лежала, глядя в потолок. Слёзы высохли. Их будто больше не было. Осталась только пустота, холодная и беспросветная.

Малыш толкнулся изнутри, сильно, настойчиво. Я положила руку на живот и погладила.

– Переживаешь? - Спросила я у тишины. - Обещаю тебе, малыш, все образуется.

Утро третьего дня началось с попытки Дениса поговорить. Он постучал в дверь спальни, осторожно, почти нерешительно.

– Аня, можно войти?

Я не ответила, но он всё равно вошёл. Сел на край кровати, не приближаясь, стараясь держать дистанцию.

– Результаты должны быть готовы сегодня к обеду, - сказал он тихо. - Я поеду в клинику, заберу и сразу привезу тебе. Ты сама всё увидишь и поймёшь, что я не лгал.

Я повернулась к нему, разглядывая его лицо. Он выглядел ужасно - тёмные круги под глазами, небритость, измятая футболка. Спал ли он вообще эти два дня? Что его так мучает? Моя отстраненность или же все таки чувство вины?

– А если там что-то будет? - спросила я, и голос прозвучал глухо. - Что тогда?

Он вздрогнул, словно от удара.

– Ничего там не будет, - ответил он твёрдо. - Ничего. Потому что я не изменял.

Мне так хотелось в это поверить. Всем сердцем хотелось. Но страх сидел глубоко внутри, въелся в душу, как яд. Что, если он лжёт? Что, если анализы покажут что-то страшное? Что я буду делать? Как смогу жить дальше?

– Иди, - сказала я, указав взглядом на дверь. - Забирай свои анализы.

Он встал, помедлил, словно хотел еще что-то сказать, но в итоге просто кивнул и вышел. Я услышала, как хлопнула входная дверь, и снова осталась одна.

Часы тянулись мучительно медленно. Я сидела на диване, поглаживая, только успокоившийся живот, и смотрела на телефон. Ждала звонка. Ждала вердикта. Ждала, что моя жизнь либо вернётся в прежнее русло, либо разрушится окончательно.

Малыш шевелился внутри, напоминая о себе. Я гладила живот, шептала ему успокаивающие слова, пыталась сохранять спокойствие. Но внутри бушевала буря. Я всячески старалась заглушить поток мыслей, понимая, что моя тревога передается малышу. Но это казалось мне нереальным.

Телефон зазвонил так резко, что я подпрыгнула. На экране высветилось имя: Любимый Дениска

Я схватила трубку дрожащими руками и поднесла к уху.

– Да?

В трубке молчание. Долгое, тяжёлое. Потом его голос, твердый, прерывистый:

– Анна... приезжай в клинику. Срочно.

Сердце ухнуло вниз.

– Что? Что случилось? Что-то не так с результатами?

– Приезжай, - повторил он, и голос его звучал так, словно он едва сдерживал эмоции. - Пожалуйста. Нам нужно поговорить. Прямо сейчас.

В трубке стало тихо. Он сбросил звонок.

Я так и сидела сжимая в ладони телефон, и чувствовала, как мир задрожал, как от сильного землетрясения. Его твердый голос, этот тон.. Это точно не была радость. Это было что-то другое. Что-то страшное.

Да что там, в тех анализах? Что он узнал? И почему не может сказать по телефону?

Я схватила сумку и, накинув куртку, выбежала из квартиры. Ноги несли меня сами, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. В голове пульсировала одна мысль: “Только бы всё было хорошо. Только бы малыш был в безопасности.”

Такси домчало меня до клиники за двадцать минут, хотя обычно эта дорога занимала все сорок. Я выскочила, не дожидаясь сдачи, и ворвалась в холл. Денис стоял у окна, спиной ко мне. Достаточно было одного взгляда на него, чтобы понять, что ничего хорошего меня не ждет.

– Денис, - позвала я, и голос прозвучал чужим. - Что случилось?

Он медленно обернулся, и то, что я увидела в его глазах, заставило меня застыть на месте. Это был не стыд, не вина. Это был шок.

Глава 5

Мой муж смотрел на меня так, будто я была последним светлым пятном в его разрушающемся мире. В этот момент я совсем растерялась. В голове никак не складывалась история с тем проклятым сообщением от какой-то женщины, анализами и таким страхом в глазах Дениса. Все смешалось в один большой клубок и распутать его в своей голове я уже никак не могла.

– Денис? - голос дрогнул. - Что... что случилось?

Он не ответил. Просто протянул руку, указывая на дверь кабинета позади себя. Я сделала шаг вперёд, потом ещё один. Каждый шаг давался с трудом, словно я шла не по полированному сотнями тысяч шагов полу клиники, а по болоту, которое засасывало всё глубже.

Мы вошли в кабинет вместе. За столом сидел врач, мужчина лет пятидесяти, в белом халате, с усталым, но добродушным лицом. Он поднял взгляд, когда мы появились, и я заметила, как жевательные мышцы на его челюсти на мгновение напряглись. Это был взгляд человека, который привык сообщать не самые лучшие новости, но все же каждый раз это давалось ему очень нелегко.

– Присаживайтесь, пожалуйста, - кивнул он на два стула напротив стола.

Я опустилась на стул, чувствуя, как меня поглотила тревога, как зануло где-то в душе. Денис сел рядом, но не посмотрел на меня. Он смотрел в пол, не в силах поднять взгляд на врача.

– Я получил результаты ваших анализов, - начал врач, и голос его зазвучал мягко, почти сочувственно. - К сожалению, они... не те, на которые мы надеялись.

Я затаила дыхание. Казалось, что это остановит ход времени и ничего не произойдет, ничего страшного не случится.

– Тест на ВИЧ, - врач выдержал паузу, словно подбирая слова, - положительный.

Тишина. Абсолютная, оглушающая тишина. Слова врача эхом отдавались в голове, но смысл их будто отказывался укладываться. ВИЧ. Положительный. Денис. ВИЧ!

Нет, это невозможно.

– Это... ошибка, - прошептала я, не узнав свой голос.— Это не может быть правдой. Проверьте ещё раз, пожалуйста. Может в лаборатории что-то напутали?

Врач покачал головой.

– Я понимаю ваш шок, но анализ делался дважды. Результат подтверждён.

Я растерянно повернулась к Денису. Он по-прежнему сидел неподвижно, глядя в одну точку. Лицо его было абсолютно бесцветным, словно из него выпили всю жизнь. Губы беззвучно шевелились, будто он пытался что-то сказать, но слова не шли.

– Денис, - позвала я, и голос сорвался. - Денис, скажи что-нибудь! Ну что ты молчишь?!

Он медленно поднял взгляд. И то, что я увидела в его глазах, разбило моё сердце вдребезги. Это была не вина, это был ужас. Чистый, первобытный ужас человека, который осознал, что его мир рухнул.

– Я... - он с трудом выдавил из себя слова, - я не знаю, как... я не понимаю...

Врач откашлялся, привлекая наше внимание.

– Анна, вы беременны, верно? - спросил он, и я кивнула, обхватив живот руками, словно пытаюсь защитить малыша от всего происходящего. - Вы ведь сдавали анализы на ранних сроках?

– Да, конечно, - прохрипела я. - Все было в порядке.

– Это хорошо, - кивнул врач. - Но я должен вас предупредить о так называемом "серонегативном окне". Это время, когда вирус уже присутствует в организме, но антитела к нему ещё не выработались, и тест может не показать заражение. Этот период может длиться до года.

Слова ударили, как удар молотом по голове. До года! Я сдавала анализы на втором месяце. Сейчас пятый, почти шестой. Если... а если я заразилась...

– Нет, - выдохнула я, качая головой. - Нет, нет, нет... - Я чувствовала, что ещё немного и меня захлестнут эмоции. Я не до конца осознавала происходящее, но серьезный тон врача, страшный диагноз, убитый новостью муж, который мне всегда казался самым сильным мужчиной на свете, все это пугало до одури.

– Анна, - врач наклонился вперёд, его голос был твёрдым, но участливым, - я понимаю, как это тяжело, но сейчас главное не паниковать. Хотя я понимаю, что не паниковать в данной ситуации сложно, но вам нужно взять себя в руки. Вам нужно пересдать анализы. Срочно. И если результат окажется положительным, мы немедленно начнём терапию, чтобы минимизировать риск передачи вируса ребёнку.

– Минимизировать? - голос мой окончательно сорвался на крик. - А гарантий нет?!

Врач молчал. И это молчание было красноречивее любых слов.

Я закрыла лицо руками, чувствуя, как слёзы хлынули потоком. Всё тело тряслось от рыданий, которые я больше не могла сдерживать. Малыш. Мой долгожданный малыш, которого я носила под сердцем, кого защищала, кого любила ещё до того, как увидела. Он может быть заражён. По моей вине. Потому что я не знала. Потому что слепо доверяла мужу.

Я почувствовала прикосновение к плечу. Денис. Он попытался обнять меня, но я резко отстранилась, отшатнувшись, словно от огня.

– Не трогай меня! - закричала я, и голос разнёсся по кабинету. - Не смей ко мне прикасаться!

Он замер, опустив руки. Губы его дрожали.

– Аня, я... я не знал, - голос сорвался. - Клянусь тебе, я не знал. Я не понимаю, откуда... как это могло...

– Откуда?! - я вскочила со стула, ярость и боль захлестнули с такой силой, что я не могла стоять на месте. - Ты серьёзно спрашиваешь меня, откуда?! От неё! От той, с кем ты меня предал!

– Я не... - он вскочил следом, протягивая руки, но я отступила, прижимаясь спиной к стене. - Аня, нет! Я никогда... я не изменял! Я не знаю, что произошло, но я клянусь...

– Да хватит уже! - заорала я, и слёзы полились ещё сильнее. - Хватит лгать! Анализ не врёт! Ты болен! А значит, ты был с кем-то! А значит, предал меня! Да ты же заразил меня! Нас!

– Пожалуйста, - он упал на колени передо мной, лицо его исказилось от боли, – поверь мне. Я не изменял. Я люблю тебя. Я не знаю, как это произошло, но я не изменял!

Я смотрела на него сверху вниз, на этого человека, которого любила больше шести лет. Которому доверяла больше чем себе. И сейчас он стоял передо мной на коленях, а я не знала, верить ему или нет. Не знала, что чувствую к нему. Ненависть? Боль? Жалость? Но я знала точно, что чувствую страх за себя и ребенка.

Врач откашлялся, прерывая нашу сцену.

– Мне очень жаль, но сейчас главное действовать быстро, - сказал он, голос его звучал строго. - Я не знаю, что там у кого с кем было, но я вижу факт заболевания и это сейчас очень важно! Я бы даже сказал жизненно важно для всех вас. - Он выразительно взглянул на мой живот. -. Мне нужно направить вас в специализированный центр. Завтра же. А вам, Денис, срочно необходима терапия. Ее вам как раз должны назначить в спид центре.

Я кивнула и молча пошла к выходу. Малыш толкнулся изнутри, сильно, настойчиво, будто требовал ответа. Будто спрашивал: "Мама, что происходит?" А я не знала, что ответить.

Глава 6

Я вышла из кабинета, не оглядываясь. Хотелось спрятаться, забраться в маленькую коробочку и больше никогда оттуда не вылезать. В поисках выхода из этого кошмара я шла по коридору клиники на автомате. Шаг, еще шаг. Внутри всё онемело, словно кто-то выключил все эмоции разом, оставив лишь пустоту. Слезы высохли, оставив солёные дорожки на покрытых пудрой щеках.

За спиной слышались торопливые шаги Дениса. Он окликал меня, голос его звучал отчаянно, но я не оборачивалась. Не хотела видеть его лицо, слышать оправдания, чувствовать его прикосновения. Сейчас он был для меня источником опасности, угрозой для моего малыша. И это осознание разрывало меня изнутри сильнее любой боли.

На улице я остановилась, вдохнув полной грудью холодный воздух. Голова кружилась, в висках стучало так сильно, что казалось, сейчас что-то лопнет. Нужно было успокоиться, взять себя в руки. Хотя бы ради ребёнка.

– Аня! – Денис все же догнал меня и схватил за руку. Его пальцы были холодными, дрожащими. Я резко вырвалась, и от этого прикосновения по коже пробежала дрожь отвращения. Нет, не к нему. К ситуации. К тому, что он теперь олицетворял для меня.

– Не трогай меня, – прошипела я сквозь зубы, и голос прозвучал чужим, злым. – Вообще не подходи.

Он замер в шаге от меня, бледный, с потерянным взглядом. Губы его дрожали, глаза наполнились слезами. Я видела, как он страдает, как его разрывает изнутри, но не могла ничего с собой поделать. Мне было больно смотреть на него. Больно осознавать, что человек, которого я любила больше всех на свете, мог меня предать. Мог обречь на это. Но в то же время мне было жаль и его самого.

– Поедем вместе, – сказал он тихо, умоляюще. – Завтра. В центр.

Я хотела закричать, что он предал всё, что у нас было. Но слова застряли в горле комом, который не давал дышать. Вместо этого я просто развернулась и пошла прочь, размахивая рукой первому попавшемуся такси. Слезы снова хлынули, заливая лицо, капая на куртку. Я забралась на заднее сиденье, назвала адрес и уткнулась лицом в ладони, давая волю рыданиям.

Ночью спать совсем не хотелось. Я лежала в темноте спальни, уставившись в стену, и гладила живот. Малыш время от времени шевелился, напоминая о себе. Каждое его движение отзывалось острой болью в сердце, смешанной со страхом и безграничной любовью.

– Прости меня, – шептала я в темноту, и голос дрожал. – Прости, что не смогла тебя защитить. Прости, что так получилось. Я так хотела дать тебе счастливую жизнь, а вместо этого... Мне так страшно.

Слезы катились по вискам, намочив подушку. Я плакала беззвучно, судорожно хватая ртом воздух. Внутри всё сжималось от ужаса. Что, если я заражена? Что, если мой малыш родится больным? Как я смогу жить с этим? Как смогу смотреть ему в глаза, зная, что это моя вина? Как мне вообще со всем этим жить?

Утром я встала разбитая, с тяжёлой головой и красными, опухшими глазами. Отражение в зеркале пугало, бледное опухшее лицо, синяки под глазами от недосыпа, растрёпанные немытые волосы. Я выглядела, как привидение.

Денис снова ночевал в кабинете. Я слышала, как он ворочался, ходил по комнате. Несколько раз подходил к двери спальни, замирал, но так и не решался постучать. Видимо, ему тоже было не до сна.

Когда я вышла на кухню, он уже сидел за столом с чашкой кофе в руках. Выглядел он ужасно, глаза запали, щетина покрывала щёки, плечи поникли. Он был похож на человека, который провёл ночь в аду. Увидев меня, он вскочил так резко, что чашка чуть не опрокинулась.

– Поедем? – Спросил он вновь, и в голосе его звучало такое отчаяние, что сердце сжалось. Я молча кивнула. Спорить не было сил. Да и какой смысл?

Спид центр располагался в новом здании на территории большого клинического комплекса. Было видно, что центру уделяется должное внимание, но радости это не добавляло. Мы приехали к открытию, и коридоры ещё пустовали. Запах хлорки и медикаментов въедался в нос, заставляя морщиться и вызывая приступ тошноты.

Я остановилась у окна, приложив руку в груди, пытаюсь совладать с подступающей дурнотой. Денис тут же оказался рядом, протянул руку, но я отстранилась. Он болезненно поморщился, опустил руку и отошёл.

– Я... я пойду оформлять документы, – пробормотал он и скрылся за дверью регистратуры.

Меня направили в кабинет врача-инфекциониста. На двери висела табличка: «Смирнов Александр Игоревич».

Я постучала, и, услышав приглушённое «войдите» толкнула дверь, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

За столом сидел мужчина лет сорока, в белом халате, с короткой стрижкой и добрыми карими глазами. Когда он поднял взгляд на меня, в нём не было ни жалости, ни осуждения, только профессиональное спокойствие и участие. И это спокойствие, как ни странно, успокоило и меня. Хоть немного.

– Анна? – уточнил он, сверившись с бумагами на столе, и голос его звучал мягко, почти по-отечески. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Я опустила на стул, положив руки на колени, молчала, не зная, с чего начать. Мне было так досадно оказаться здесь, что и говорить ничего не хотелось.

– Я знаю, как вам сейчас тяжело, – аккуратно начал он, и в голосе его звучала такая искренность, что глаза снова защипало. – И понимаю, что вы напуганы. Но давайте обо всём по порядку. Расскажите мне вашу историю. Не торопитесь. У нас есть время.

И я рассказала. Про беременность, про подозрения, про анализы мужа, про страх за ребёнка. Говорила сбивчиво, путаясь в словах, всхлипывая, вытирая слёзы. Несколько раз голос срывался, и я замолкала, пытаюсь совладать с собой. Но он слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая и подбадривающе улыбаясь.

Когда я закончила, он откинулся на спинку кресла и несколько секунд молчал, обдумывая услышанное. Я сидела, затаив дыхание, боясь пошевелиться.

– Вы сдавали анализы в начале беременности? – уточнил он, и я судорожно кивнула.

– Да. Где-то на втором месяце. Всё было хорошо, — голос дрогнул. – Я думала, что всё в порядке...

– Хорошо. Сейчас мы возьмём у вас кровь повторно. Результат будет готов через пару дней. Если он окажется положительным, а я должен вас предупредить, что такая вероятность есть, – он помолчал, давая мне время осознать его слова, – мы немедленно начнём антиретровирусную терапию.

– А ребёнок? – хрипло спросила я. — Что будет с моим ребенком?

Александр Игоревич посмотрел на меня прямо, не отводя взгляда, и в его глазах я увидела понимание и сочувствие.

– Анна, я не буду вас обманывать, - сказал он твёрдо. - Риск передачи вируса от матери к ребёнку при отсутствии терапии составляет около тридцати процентов. Но, - он поднял руку, останавливая мой порыв зарыдать, - если мы начнём терапию вовремя, проведём правильную подготовку к родам и назначим профилактику новорождённому, этот риск снижается до одного-двух процентов. Вы слышите меня, Анна? Один-два процента. Это огромная разница. Огромная.

Слова его прозвучали, как луч света в кромешной тьме. Один-два процента. Значит, есть шанс. Значит, не всё потеряно. Значит, мой малыш может родиться здоровым.

– Вы... вы правда так думаете?

– Я не просто так думаю, я это знаю, - твёрдо ответил он, и в голосе его звучала уверенность, которая передалась и мне. - Современная медицина шагнула далеко вперёд. ВИЧ-положительные женщины рожают здоровых детей. Каждый день. Я видел десятки, сотни таких случаев. Это не приговор, Анна. Это диагноз, с которым можно и нужно жить.

Впервые за эти страшные дни я почувствовала что-то отдаленно похожее на облегчение. Не абсолютное, но хоть какое-то. Этот человек не осуждал меня, не жалел, не отворачивался. Он просто делал свою работу, спасал жизни. И в этот момент он спасал мою.

– Спасибо, - выдохнула я, и голос дрожал от эмоций. - Спасибо вам огромное. Вы даже не представляете, как мне сейчас нужны были эти слова.

Он кивнул, и на его лице промелькнула тёплая улыбка. Протянул мне направление на анализы.

– Идите в процедурный кабинет. А через пару дней приходите за результатами. И, Анна, - он посмотрел на меня серьёзно, строго, - постарайтесь не нервничать. Стресс сейчас ваш главный враг.

Я кивнула и засобиралась. Уходя из кабинета, я обернулась, и последний вопрос сорвался с губ:

– А если... если результат будет отрицательным?

– Тогда вам очень повезло. Такие случаи и правда бывают, но очень редко. - Он улыбнулся. - Но в любом случае, вам нужно будет повторить тест через три месяца, а может и через шесть, чтобы быть абсолютно уверенными. Окно есть окно.

Я сдала кровь в процедурном кабинете. Медсестра была молчаливой, но не грубой. Она осторожно перевязала жгут, нашла вену, и я смотрела, как тёмная кровь наполняет пробирку. Моя, возможно зараженная смертельным вирусом, кровь. От этой мысли затошнило, и я отвернулась, закрыв глаза.

Получив талон на повторный приём, я вышла в коридор. Денис ждал меня на скамейке, сгорбившись, уткнувшись взглядом в пол. Увидев меня, он вскочил, и в глазах его мелькнула надежда.

– Ну что? - спросил он с надеждой. - Что сказал врач? Мне назначили пожизненную терапию.

Я проигнорировала его последние слова:

– Через пару дней будут результаты, - ответила я коротко, избегая его взгляда, и пошла к выходу.

Он молча последовал за мной, и я чувствовала его взгляд на своей спине. Тяжёлый, полный вины и отчаяния. Но я не могла обернуться. Не могла дать ему то, чего он так жаждал - понимания и хотя бы капли тепла.

Мы ехали домой в тишине. Я смотрела в окно, не видя проносящихся мимо улиц, домов, людей. Всё слилось в один серый размытый фон. В голове крутились слова врача: «Один-два процента... можно и нужно жить... здоровые дети...» Я цеплялась за эти слова, как утопающий за соломинку. Они были единственным, что удерживало меня от полного отчаяния.

Денис вел автомобиль непривычно медленно, сосредоточенно. Несколько раз он открывал рот, будто хотел что-то сказать, но так и не решился. Молчание между нами было тяжёлым, давящим, почти физически ощутимым.

Когда мы подъехали к дому, я заметила знакомую машину у подъезда. Чёрный «Лексус» свекрови. Сердце ёкнуло и упало куда-то вниз. Боже.. Только не это. Не сейчас, пожалуйста.

– Это мама, - опережая мое возмущение пробормотал Денис виноватым тоном, и я услышала страх в его голосе. - Я... я ей позвонил вчера, сказал, что случилось. Мне нужна была поддержка, я...

Я резко обернулась к нему, и ярость вспыхнула с такой силой, что перехватило дыхание.

– Ты что наделал?! - прошипела я, и голос задрожал от гнева. - Зачем ты ей сказал?! Какого чёрта?!

– Она же моя мама, - ответил он тихо, виновато. - Я не мог молчать. Я не справляюсь, Аня. Мне нужна была помощь...

– Помощь?! Ты хоть понимаешь, что ты сделал?! - я выскочила из машины, хлопнув дверью так, что она задрожала.

Я быстрым шагом направилась к подъезду, чувствуя, как внутри всё кипит. Злость, обида, страх, всё смешалось в один горячий ком, который душил изнутри. Поднялась на наш этаж, дрожащими руками открыла дверь и замерла на пороге.

В прихожей стояла свекровь. Высокая, статная женщина с неизменно идеальной укладкой и запахом дорогих духов. Всегда безупречная, всегда уверенная в себе. Но сейчас её глаза горели холодным огнём, губы были сжаты в тонкую линию. Было видно, что она очень встревожена, но в то же время и очень зла.

Она посмотрела на меня, и её взгляд пронзил, как нож. Холодный, полный презрения и ненависти.

– Здравствуй, Аня, — произнесла она ледяным тоном, - ты думаешь я не знаю, что моего сына заразила ты?

Глава 7

Я так и замерла на пороге не в силах больше адекватно реагировать на происходящее последних дней. Это уже казалось каким-то розыгрышем, фарсом. Сначала любовница.. да бог с ней. Это я еще худо-бедно понять могла. Потом обнаруженный ВИЧ у Дениса.. Но то, что в этом еще и меня обвиняют? Это уже просто за пределами моего понимания.

— Вы сейчас серьезно? — выдохнула я, и рассмеялась ей в лицо.

Людмила Петровна сделала шаг вперед, и я увидела, как её руки сжались в кулаки. Всё её тело излучало ярость и праведное негодование.

— Не притворяйся передо мной! - голос её повысился, зазвенел по коридору. - Мой Денис был здоров! Всегда был абсолютно здоров! Я сама отвозила его на все медосмотры, сама следила за его здоровьем! А потом появилась ты!

Истерический хохот утих. Каждое слово било, как пощёчина. Осознав всю реальность происходящего и летящих в меня обвинений я прижалась спиной к стене, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как внутри что-то ломается.

— Я всегда знала, что ты не подходящая партия для Дениса! - продолжала она, и голос становился всё громче, истеричнее. - Всегда чувствовала, что с тобой что-то не так! Из какой-то непонятной семьи, без приданого, без связей! И эта твоя неспособность забеременеть все эти годы! Теперь-то я понимаю почему!

— Людмила Петровна... — попыталась возразить я, но она перебила меня резким взмахом руки.

— Замолчи! - заорала она, и лицо её исказилось от гнева. - Ты годами не могла забеременеть! Годами! А знаешь почему? Потому что ты больна! Потому что ты шлялась невесть с кем, подцепила эту заразу, а теперь свалила всё на моего мальчика!

Слёзы хлынули из глаз. Я не могла их остановить. Прикрыла живот рукой, словно пытаюсь защитить малыша от этого потока грязи и ненависти.

— Это неправда, - не сдавалась я. - Вы не имеете права...

— Не имею права?! - она шагнула ко мне вплотную, и я почувствовала запах её дорогих духов, смешанный с запахом злости. - Я имею полное право защищать своего сына! Ты его заразила! Погубила! А теперь ещё и ребёнком прикрываешься!

— Мам, успокойся, - голос Дениса раздался из-за моей спины. Он вошёл в квартиру и закрыл за собой дверь. Лицо его было таким растерянным, словно у наядбедничевшего ребенка.

— Успокоиться?! - Людмила Петровна развернулась к нему. - Как я могу успокоиться, когда эта... эта женщина погубила тебя?! Денис, милый, открой глаза! Она же специально подделывает свои анализы, чтобы переложить вину на тебя!

— Что?! - я не поверила своим ушам. Господи, когда же это закончится? - Я ничего не подделывала! Я вообще ещё не получила результаты!

— Ты думаешь я тебе поверю? - она рассмеялась истерично. - Ты думаешь, я не вижу, как всё это выглядит? Ты годами крутила с кем попало, заразилась, а теперь хочешь свалить всё на моего сына! На моего единственного, драгоценного мальчика!

— Мама, ты перегибаешь палку, - Денис попытался вмешаться, но как-то неуверенно.

— Перегибаю палку?! - она схватила его за руку. - Денис, очнись! Она не могла забеременеть! Шесть лет! Шесть лет вы пытались, и ничего! А я тебе говорила, что это неспроста! Нормальная, здоровая женщина беременеет без проблем! А у неё что-то не так было всегда!

Я чувствовала, как упало давление, как меня сразила сильнейшая слабость. Хотелось прилечь, отвернуться к стене и лежать так, пока кошмар не кончится. Длиннющий, абсурдный кошмар.

Проблемы с зачатием были больной темой. Мы с Денисом прошли через столько врачей, столько обследований, столько слёз и разочарований. Мы уже даже задумывались над ЭКО, но Денис сомневался, переживал, что из-за стимуляции со мной что-то случится, что это плохо отразится на моем здоровье в будущем. Все это, конечно, надуманные страхи, но я уважала его чувства и тихонько молилась, чтобы у нас все получилось. И ведь получилось же! А теперь это выворачивалось против меня.

– Денис, - я посмотрела на него умоляюще, - скажи ей, что это неправда. Скажи, что я не виновата.

Он молчал. Стоял, опустив голову, и молчал. И это молчание было страшнее любых слов.

– Денис! - взмолилась я. - Пожалуйста!

– А может... - он поднял глаза, и в них я увидела сомнение. Холодное, режущее сомнение. - А может, мама права? Аня, подумай сама. Твои анализы были чистыми в начале беременности. Мои положительные только сейчас. Как это могло произойти, если не ты...

Я не поверила своим ушам. Мир перевернулся. Человек, которого я любила, которому доверяла больше, чем себе, сейчас стоял передо мной и обвинял меня. Сейчас было невозможно поверить, что еще несколько дней назад я считала нас счастливой парой.

– Ты... ты сейчас серьезно? - голос сорвался. - Ты правда думаешь, что я...

– Да не знаю я, что думать! - крикнул он, и в голосе его прорезалась истерика. - Я больной! Понимаешь?! Я заражён смертельным вирусом! И я не знаю, откуда он взялся! А мама права, у тебя были годы, чтобы подцепить его где угодно!

– Где угодно?! - я почувствовала, как ярость поднимается волной. - Ты издеваешься?! Я была только с тобой! Только! И ты это знаешь!

– А кто тебя знает? - он шагнул ко мне, и лицо его исказилось. - Может, ты крутила на стороне? Может, изменяла мне, а я просто не знал?!

Удар был такой силы, что я физически пошатнулась. Сделав шаг назад я уперлась спиной в стену. Мне казалось, что я загнанный зверь и меня моя же стая хочет просто растерзать.

– Ты... - Слёзы глушили слова. - Да как ты можешь...

– Вот видишь! - торжествующе воскликнула Людмила Петровна. - Даже ответить не может! Потому что виновата! Денис, милый, она тебя обманывала, предавала, а теперь хочет переложить всю вину на тебя!

– Нет! - закричала я. - Это неправда! Денис, как ты можешь в это верить?! Ты же знаешь меня! Знаешь, что я никогда...

– Я не знаю! - заорал он, и голос его сорвался. - Я ничего не знаю! Может, я вообще тебя не знаю! Может, ты всё это время меня обманывала!

Малыш толкнулся внутри, сильно, болезненно. Я ахнула, схватившись за живот обеими руками. Сердце колотилось так, что, казалось, сейчас вырвется из груди.

– Прекратите, - прошептала я. - Пожалуйста, прекратите. Ребенок волнуется..

– Ребенок! — Людмила Петровна фыркнула. — А ты уверена, что это вообще его ребенок? Может, он не от моего сына?!

Мир почернел перед глазами. Я не могла дышать, не могла думать, не могла стоять. Ноги подкосились, и я медленно осела на пол, всё ещё обхватив живот руками и тихонько мыча от тянущей боли.

– Аня! - Денис бросился ко мне, но я отшатнулась.

– Не трогай меня! - сказала сквозь зубы я. - Не смей ко мне прикасаться!

Я встала, держась за стену, и посмотрела на них обоих. На свекровь с её торжествующим лицом. На Дениса с его растерянным, виноватым взглядом. Эти люди только что разорвали моё сердце на части.

– Я ухожу, - сказала я тихо, но твёрдо.

– Ну и куда ты пойдёшь? - спросил Денис.

– Куда угодно. Лишь бы от вас подальше.

Я прошла мимо них в спальню, схватила маленький чемодан и начала запихивать туда вещи. Руки дрожали так сильно, что я едва могла застегнуть молнию. Слёзы заливали лицо, но я их даже не вытирала.

Денис стоял потерянный в дверях, наблюдая.

– Аня, не уходи, - сказал он тихо. - Давай поговорим...

– Говорить? - я обернулась к нему. - О чём нам говорить? О том, как ты только что обвинил меня в измене? О том, как твоя мать назвала меня шлюхой? Говорить не о чем, Денис. Совсем не о чем.

Я схватила сумку и вышла из спальни. Людмила Петровна всё ещё стояла в прихожей, скрестив руки на груди.

– Вот и правильно, - сказала она холодно. - Уходи. И не возвращайся.

Я не ответила. Просто открыла дверь и вышла, закрыв её за собой. Спустилась в лифте, вышла на улицу и только тогда позволила себе разрыдаться в полный голос.

Я шла по улице, не разбирая дороги, и плакала. Люди оборачивались, смотрели с сочувствием или любопытством, но мне было всё равно. Я чувствовала себя полностью уничтоженной. Лишь маленький огонек жизни внутри меня заставлял меня идти вперед.

Наконец остановившись у какой-то скамейки, я достала телефон дрожащими руками. Нужно было с кем-то поговорить. Кто-то должен был меня выслушать и поддержать. Я набрала номер Кати, своей лучшей подруги.

Гудки. Длинные, монотонные. Раз, два, три...Сброс.

Я уставилась на экран, не веря. Она сбросила? Может, случайно? Я набрала снова.

Гудки. Снова гудки. И снова сброс.

Сердце ёкнуло. Почему она не берёт трубку? Если занята, она все равно отвечала и быстро тараторила: "занята, перезвоню". Но никогда раньше Катя не игнорировала мои звонки. Никогда.

Вдруг телефон вибрировал в руке. Сообщение от Кати.

«Не могу говорить. Прости.»

Что ж.. наверное что-то очень важное. За последние дни я совсем выпала из жизни и даже не писала подруге.. я ведь даже не знаю все ли у нее в порядке.

Я сидела на скамейке, держа телефон в руках, и чувствовала, как страх обволакивает меня, страх за себя, за ребенка, за наше будущее, и в конце концов, страх остаться со своими мыслями наедине.

Я набрала другой номер. Самый важный. Номер той, которая всегда примет и успокоит. Моя самая главная в жизни опора.

– Мам? - голос дрожал. - Мам, можно я пока поживу у тебя?

– Анечка, что сл.. - встревоженным голосом начала мама, но я не успела дослушать. Ко мне бежал Денис. В глазах его застыл вопрос и решительность.

Да что еще? Что еще он от меня хочет?

Еле отдышавшись он посмотрел мне в глаза и спросил:

– А ты точно ни с кем не спала?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.